

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/494/5

Творчество А.А. Зиновьева в оценках российской литературной критики 1990-х гг.

Павел Евгеньевич Фокин^{1, 2}

¹ Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия

² Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Аннотация. На материале газетных и журнальных рецензий, опубликованных в российской прессе в 1990-е гг., дается анализ рецепции литературного творчества А.А. Зиновьева в отечественной критике. Представлена история возвращения в литературную жизнь России произведений одного из наиболее ярких писателей русской эмиграции. Приводятся материалы из малотиражных региональных изданий и личного архива писателя.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев, «Зияющие высоты», литература русской эмиграции, литературная критика

Источник финансирования: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Для цитирования: Фокин П.Е. Творчество А.А. Зиновьева в оценках российской литературной критики 1990-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 44–52. doi: 10.17223/15617793/494/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/494/5

Works of Alexander Zinoviev in the assessments of Russian literary criticism of the 1990s

Pavel E. Fokin^{1, 2}

¹ Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russian Federation

² Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Abstract. The article aims to restore in detail and analyze the history of the return to Russia's literary life in the 1990s of the works of Alexander Zinoviev, one of the most significant writers of Russian emigration. The work is based on the analysis of publications in the Russian press from 1990 to 1999. The capital and regional magazines and newspapers are investigated. All publications of Zinoviev's works were identified: out of 18 novels and novellas of the writer, only eight were published during the analyzed period. The main printed responses are presented. The analysis of critical articles is given in the context of the socio-political situation in the country and in the light of the ideological struggle. It is noted that the articles published in the Russian press generally give a high assessment of Zinoviev's works, describe the features of his artistic method, identify the essential elements of his poetics; the novel *Yawning Heights* is especially popular. Attention is drawn to the fact that the number of published reviews does not correspond to the scale and significance of Zinoviev's literary activities: the leading Russian critics of the 1990s did not show much interest in either his previous or new works. Editions of his books have single reviews: *Literaturnaya Gazeta* published one small article; the all-Russian socio-political newspapers *Kommersant* and *Rossiya* also published one piece each; several small notes were published in regional periodicals. In many ways, this attitude to Zinoviev's works is explained by his political views, in particular, his sharp rejection of the reforms carried out in Russia. Most critics held opposite positions, and their ignoring of Zinoviev's works was caused not by their low aesthetic level, but by the rejection of his views as a whole. As a result, one of the most prominent and relevant Russian writers was deliberately ousted from the literary process. The story of the Russian critics' boycott against Zinoviev represents a dramatic episode of the ideological struggle in Russia in the 1990s. The article gives a detailed analysis of the reviews of Zinoviev's works published in the 1990s and cites from them.

Keywords: Alexander Zinoviev, *Yawning Heights*, literature of Russian emigration, literary criticism

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>

For citation: Fokin, P.E. (2023) Works of Alexander Zinoviev in the assessments of Russian literary criticism of the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 44–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/5

7 августа 1978 г. на информационном небосклоне западной журналистики вспыхнула новая интеллектуальная суперзвезда. Накануне поздно вечером, в 22 часа 20 минут, в аэропорту Франкфурта-на-Майне приземлился самолет компании «Люфтганза», на борту которого в Западную Германию прибыл из Советского Союза автор «Зияющих высот», философ-логик Александр Зиновьев с семьей. В аэропорту их встречали десятки журналистов, сообщение об этом событии передали все ведущие информационные агентства Запада.

8 августа состоялась первая пресс-конференция Зиновьева. В течение нескольких дней европейские газеты публиковали на своих страницах отчеты о ней и репортажи о прибытии Зиновьева на Запад, интервью с писателем. Среди них такие издания, как берлинские «Die Welt», «Deutsche Zeitung», «Bild», мюнхенские «Sueddeutsche Zeitung» и «Münchener Merkur», кельнская «Kölnische Rundschau», франкфуртские «Frankfurter Rundschau» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», парижские «Le Monde», «Figaro», «Libération», цюрихские «Nuew Zürcher Zeitung», «Die Weltwoche», «Tages-Anzeiger», базельская «Basler Zeitung» и др. Соответствующие репортажи и информация прошли на радио и телевидении. С этого времени Александр Зиновьев становится не переменным ньюмейкером западной прессы.

В течение двадцати лет пребывания Зиновьева в эмиграции его личность, оценки, мировоззрение, книги будут находиться в постоянном поле внимания средств массовой информации. Не было ни одной недели, чтобы имя Зиновьева не появлялось на страницах западной периодики. Он – самый авторитетный эксперт по вопросам советской политики и социальной жизни. Газеты предоставляют ему целые полосы, журналы – десятки страниц. Его любят фотографы. Он – эффектная натура, с выразительной мимикой и жестиком. Публикации неизменно сопровождаются портретом Зиновьева, а часто двумя-тремя и более. Он узнаваем в лицо. Карикатуристы рисуют его шаржи. Уличные художники выставляют его портреты в качестве рекламы своего искусства.

На фоне абсолютной и исключительной известности Зиновьева на Западе в те же годы в Советском Союзе его имя остается известным разве что только группе инакомыслящих слушателей радиостанций «Свобода» и «Немецкая волна», да сотрудникам КГБ. Если высылка Солженицына в 1974 г. сопровождалась информационным скандалом, когда советские газеты одна за другой публиковали отклики трудящихся и интеллигенции на решение советского правительства о лишении Солженицына гражданства с показательными названиями «Предательство не прощается», «Предателю – по заслугам», «Отщепенцу – презрение народа» и т.п. [1. С. 113–114], то отъезд Зиновьева был прессой игнорирован. Обжегшись на «кантрикляме», Солженицына, которую они сами устроили, власти в случае с Зиновьевым избрали иную тактику. Когда его роман «Зияющие высоты» был в 1976 г. опубликован в Швейцарии, советская контрпропаганда сделала вид, что не заметила его, и хотя над самим Зиновьевым

была учинена форменная гражданская расправа с лишением его работы, ученых степеней, званий, воинских наград, ни один официальный печатный орган не обмолвился ни словом о происходящем.

Впервые на страницах советской печати «Зияющие высоты» (и лишь однажды!) упоминаются только в 1981 г. в фельетоне «Литературной газеты» «Пакостник из Нью-Йорка», осуждавшем американского издателя Роберта Бернстайна, который, как пишет автор фельетона А. Николаев, получил «скандальную известность», «выпустив на английском языке хулиганский пасквиль на Советский Союз – переводную книжонку под издевательским названием “Зияющие высоты”» [2. С. 14]. Об авторе «пасквиля» – ни слова. Его имя забетонировано наглухо. Более того, судя по итоговой «оценке», данной фельетонистом сочинению, можно подумать, что «книжонку» и вовсе написал какой-то американец: «Никогда еще прежде антисоветизм в США не извергал таких зловонных фонтанов» [2. С. 14].

Установленная по отношению к Зиновьеву политика умолчания соблюдалась в советской прессе последовательно и неукоснительно. В 1989 г. в «Московских новостях» ведущий научный сотрудник Института книги Сергей Шведов в статье «Многоликий читатель» констатировал: «Есть авторы, многим из нас почти неизвестные, интерес к которым велик, – Саша Соколов, Александр Зиновьев» [3. С. 11].

С середины 1980-х гг., со сменой идеологического курса в СССР, в советских литературных журналах стали появляться произведения авторов, чьи имена в течение десятилетий находились под запретом цензуры, о многих из них массовый читатель прежде и вовсе не слышал. Начался процесс «возвращения» в литературу ранее вычеркнутых из нее писателей и поэтов.

Волнами, наперебой журналы Москвы, Ленинграда, республиканских и региональных российских писательских организаций публиковали произведения представителей так называемого Серебряного века и первой волны русской эмиграции – Н. Гумилёва, В. Набокова, Е. Замятина, В. Ходасевича, Г. Иванова, М. Цветаевой, И. Бунина и др. Немного времени спустя их сменили представители «третьей волны» – В. Аксёнов, В. Войнович, Г. Владимов, В. Некрасов, А. Синявский (Абрам Терц), И. Бродский, С. Довлатов, Саша Соколов. Одновременно «из стола» были извлечены романы А. Платонова, В. Дудинцева, Б. Можая, А. Рыбакова, В. Гроссмана. Десятки имен, сотни произведений. Развернулась кампания с требованием напечатать книги опальных нобелиатов – «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. И их наконец напечатали. Вспомнили и «вернули» всех. Кроме Александра Зиновьева.

Только в 1989 г. в февральском номере журнала «Иностранная литература» его имя впервые появляется на страницах перестроечной печати, да и то в форме краткой автобиографии перед ответами на анкету журнала, с которой редакция обратилась к русским писателям-эмигрантам, и в самом конце подборки, после ответов А. Синявского, Г. Владимова,

В. Войновича и Н. Коржавина. Отвечая на вопросы анкеты, Зиновьев дал емкую формулу своего места в русской литературе:

Сам я себя считаю национальным русским писателем. Пишу, имея в виду в качестве основного ценителя качеств литературного произведения советских читателей. Думаю, что, если бы в России напечатали мои книги, я в течение кратчайшего срока был бы принят как русский писатель в самом глубоком смысле слова. Но быть мне в русской литературе или нет, это зависит не от меня, а от возможности советских людей свободно читать мои книги [4. С. 250].

Первая публикация на родине состоялась лишь в 1990 г. – в октябре в издательстве «ПИК» двумя томами, в мягкой обложке, на дешевой бумаге, впрочем, все еще значительным «советским» тиражом в 250 тысяч вышел главный роман Зиновьева «Зияющие высоты». А спустя несколько месяцев, в трех первых книжках журнала «Октябрь» за 1991 г. (январь–март) появилась его сокращенная версия. Монументальная фреска советской эпохи, потрясая воображение западных критиков и читателей, в журнальной публикации уложилась на 142 страницах!

Похоже, что журнальные архивы и запасники к этому времени были уже почти опустошены, и редакторы вспомнили про Зиновьева. Тогда же, в январе 1991 г., журнал «Смена» напечатал роман «Иди на Голгофу». Ленинградский журнал «Звезда» в октябре публикует роман «Живи», а в ноябре на страницах «Нового журнала» (№ 6) была представлена подборка стихотворений из книги «Евангелие для Ивана». В целом 1991 г. можно было бы, хоть и с оговорками, все же назвать «годом Зиновьева». Кроме упомянутых журнальных публикаций будут еще две книги: в январе на прилавках книжных магазинов появится подготовленный в 1990 г. в издательстве «Московский рабочий» том, в который войдут романы «Гомо советикус» и «Пара беллум» (тираж 50 тысяч), а в середине года в качестве приложения к журналу «Лепта» выйдет сборник, в который войдет все тот же роман «Гомо советикус» и повесть в стихах «Мой дом – Моя чужбина» (тираж 75 тысяч).

Однако 1991 г. стал последним в истории читательского бума в СССР. После трагических потрясений августа и декабря, с началом экономических реформ Е. Гайдара жителям России стало не до чтения, а цены на издательскую продукцию (как и на все прочие товары) взлетели до немислимых по советским меркам величин. Тиражи литературных журналов рухнули с миллионов до десятка тысяч, а писатели и поэты из «властителей дум» в одночасье превратились в изгоев и маргиналов. Эпоха «гласности» завершилась трагикомически. «Возвращаться» в таких условиях стало практически невозможно – некуда, не к кому.

Последний раз на страницах отечественных литературных журналов имя Зиновьева появится весной 1993 г. В апрельском и майском выпусках «Нашего современника», тираж которого сник к этому времени с

478 тысяч в 1990 г. и 275 тысяч в 1991 до 57 тысяч 115 экземпляров.

В постсоветской России в течение 1990-х гг. книги Зиновьева будут выходить только отдельными изданиями. Как и на Западе, у него появится «свой» издатель – московский «Центрполиграф». Здесь в разные годы будут изданы «Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма» (1994), «Запад. Феномен западнизма» (1995), «Смута» (1995), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человек» (1997), «Русская судьба. Исповедь отщепенца» (1999). Еще одна книга – «Посткоммунистическая Россия» – выйдет в 1996 г. в издательстве «Республика».

Из десяти книг Зиновьева, вышедших в 1990-е, только четыре – его художественные произведения. «Великий русский писатель», как называли Зиновьева западные критики, «возвращался» на родину в первую очередь как социолог. Его романы «Светлое будущее», «Записки ночного сторожа», «В преддверии рая», «Жёлтый дом», «Нашей юности полет» так и остались «за рубежом».

А что же критика? В письме к другу М. Зальцбергу 18 октября 1995 г. Зиновьев констатировал:

<...> в Москве опубликовали три моих книги – «Смута», «Запад» и «Русский эксперимент». Мизерными тиражами, но хоть что-то. Официальная и интеллектуальная Россия меня бойкотирует сильнее, чем в брежневские годы, хотя и новыми (демократическими) методами. Но «по гамбургскому счёту» вес у меня там все-таки есть. Например, в сентябре на книжной ярмарке в Москве моих книг продали больше, чем всех прочих авторов вместе взятых. Я за пару дней подписал несколько сот экземпляров. В газетах писали о всех авторах, даже о тех, чьих книг не было на ярмарке или не было продано ни одной. А о буме с моими книгами – ни слова (цитируется по рукописи оригинала. Из личного архива О.М. Зиновьевой).

И действительно, количество газетных и журнальных откликов на произведения Зиновьева, появившееся в российской периодике с 1990 по 1999 г., не превосходит количества самих изданных за это время книг. Иными словами, их можно сосчитать на пальцах рук. А по сути – литературный феномен Зиновьева в отечественной критике 1990-х остался без внимания и осмысления.

Первой (и долгие годы единственной) обстоятельной аналитической работой, посвященной литературной деятельности Зиновьева, стала статья его друга, известного философа и эстетика Карла Кантора «Сияющая высота словесности», предварявшая публикацию «Зияющих высот» в журнале «Октябрь». Поскольку она была первой, то значительная часть ее посвящена биографии и творческому пути Зиновьева.

Обращаясь к роману, К. Кантор прежде всего подчеркивает его специфику как произведения словесности:

Под словесностью я мыслю безымянное народное творчество, вплетенное в жизненный процесс. Это фундамент литературы. Вырастая из нее, литература «порывает» с культом и бытом, становится их познанием, концентрацией и хранительницей религиозных, моральных, поэтических смыслов человеческого существования. Словесность, фольклор – искусство *внутрижизненное*, литература – *автономное, самозаконное*. Приобретая независимость от общенародных, массовых форм жизнедеятельности, становясь творчеством свободного индивида, литература в то же время вынуждена подчиниться условностям, правилам, канонам, стилевым требованиям, культурным традициям определенной эпохи. В XX столетии литература претерпевает изменения самые радикальные за всю ее историю: она как бы возвращается в жизнь, сливается с устным словесным творчеством. «Зияющие высоты» – пример такого слияния. Зиновьев выступает здесь в двух ипостасях: и как анонимный современный «сказитель», и как индивидуальный автор литературного текста [5. С. 34].

В этой связи К. Кантор обращает внимание на композиционную структуру романа, в которой, по его мнению, отразилась сама реальность советского бытия:

Словесная постройка гигантского повествования воздвигается непрерывными разговорами, громящимися друг на друга.

Перебранки, треп, болтовня, споры, прения, полемики, дознания образуют разговорный каркас социальной организации. Они создают иллюзию гибкости, подвижности структуры, структуры на самом деле жесткой и неизменной. Им противостоит ДИАЛОГ – свободный обмен идеями, а не мнениями, духовное взаимообогащение собеседников, поиск, а иногда и обретение истины [5. С. 35].

Не обходит вниманием К. Кантор и само название, данное Зиновьевым своему жанру, – «социологический роман».

Действительными героями книги, по утверждению автора, являются не люди, а социальные законы – грязные и жестокие ничтожества. А персонажи романа, которым автор взамен имен присвоил названия по их социальной роли (как она воспринимается средой), используются всего лишь как материал, из которого «лепят» разнообразие лики социальности [5. С. 35].

Но, как представляет К. Кантору, Зиновьев не порывает полностью и с традиционной эстетикой, предполагающей наличие героя и характеров.

И все-таки, как мне кажется, художник в Зиновьеве берет верх над ученым. Хряк, Забан, Мыслитель, Претендент, Социолог, Неврастеник, Брат и

особенно Шизофреник, Клеветник, Болтун и Мазила – не только социальные маски, но и живые лица, хотя и предстают перед читателем всего лишь как «система фраз» [5. С. 35].

Иначе и быть не могло, ведь, считает К. Кантор, «Главная проблема “З.В.” – проблема личности, ее свободы. Она – движущая сила сюжетостроения» [5. С. 35]. Среди многочисленных лиц и масок, представленных в романе, критик выделяет группу персонажей, в которых нашли отражения черты самого Зиновьева и которые образуют некое смысловое единство наподобие категории «лишнего человека», описанной некогда русскими классиками. Но если «лишние люди» Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова наделены драматической судьбой, судьба «лишних людей» Зиновьева трагична.

<...> те – богатые натуры – не знали, куда себя деть, томилась бездельем, им не к чему было приложить свои силы и, презирая общество, они все-таки нуждались в нем. Герой Зиновьева, напротив, разносторонне деятелен, он поглощен исследованием общества, открывает законы, управляющие социумом. Герой Зиновьева мог бы быть полезен обществу. Но именно за это общество выталкивает его в никуда. Тут достигнут предел взаимоотчуждения: «лишний человек», с одной стороны, и «лишнее общество» – с другой [5. С. 35].

Спустя почти десять лет, в 1999 г., К. Кантор напишет еще одно предисловие к «Зияющим высотам» – для первого тома собрания сочинений Зиновьева (М.: Евразия+, 1999. Тираж 5 000 экз.). В качестве анонса издания оно будет напечатано в еженедельнике «Книжное обозрение» (№ 44 от 1 ноября). К. Кантор продолжает размышлять над уникальной книгой, написанной его другом. Он придумывает для нее замечательный неологизм: «словостроение».

В это время К. Кантор работает над книгой, посвященной Владимиру Маяковскому, и новаторство Зиновьева-художника рассматривает в свете традиций творческих экспериментов лидера русского футуризма. Свою статью он называет «Мистерия-буфф Александра Зиновьева».

Свою первую послеоктябрьскую пьесу Маяковский назвал «Мистерия-Буфф» с заголовком «Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи». Было это в 1918 г. Прошло шестьдесят лет. Начинаясь совсем другая «наша эпоха». И появилась новая «Мистерия-Буфф» – об агонии советской власти накануне Перестройки, предавшей идеалы Великой Революции и оставившей России только «Буфф» без «Мистерии».

Те, кто противопоставляет сегодняшнего Зиновьева, автора «Катастрофки», «Посткоммунистической России» и гневной политической публицистики, Зиновьеву «Зияющих высот», – либо недобросовестны, либо эстетически близоруки. Зиновьев в «Зияющих высотах» написал сатиру не на Ок-

тябрь, не на коммунистические идеалы, а на двурушнические круги «марксистско-ленинской» (не диссидентской! – заметьте это) интеллигенции, подрывавшей устои уже деградировавшего советского строя, выдавая его упадок за подъем. Обнимая – душили.

Теперь очевидно: «Зияющие высоты» были предвидением неизбежного перерождения комических персонажей его «Мистерии-Буфф» в откровенных антисоветчиков и антикоммунистов [6. С. 8].

Говоря о художественных приемах Зиновьева, К. Кантор сосредотачивает внимание на включенный в текст романа социологический трактат, написанный персонажем по прозвищу Шизофреник – только такой диагноз мог получить советский социолог, предложивший научный анализ ненаучного «реального коммунизма». «Книга в книге» не является открытием Зиновьева, но он часто использует его в своих романах. В «Зияющих высотах» этот прием позволяет достичь эффекта остранения, благодаря которому вскрывается вся нелепость и уродство построенного в Ибанске социального строя.

Социологический трактат Шизофреника в «Зияющих высотах» – не простое внутреннее зеркало. Он превращает роман в рентгенологическую «комнату смеха». Одних действующих лиц она уменьшает, других увеличивает, третьих сплющивает, четвертых раздувает, красавиц делает дурнушками, а золушек королевами, за маской «Мыслитель» она обнаруживает, что он лишь воплощает социальную функцию считаться таковым, а на самом деле Мыслитель – эрудит-компилятор, тогда как Шизофреник – воплощение антисоциальной функции – на самом деле истинный мыслитель. «Социолог» – маска социальной функции ибанского общества, а на деле он – эпигон зарубежной псевдосоциологии, а тот же Шизофреник – социолог «от Бога»; за маской «Сотрудник» – социальная функция в Ибанске первостатейная – скрывается клеветник и доносчик, а за маской антисоциальной функции «Клеветник» – «режущий правду-матку» при любых обстоятельствах и невзирая на лица. Под маской «Художник» выполняет социальную функцию вождеписца бездарный мазила, а под маской изгоя «Мазилы» лепит свою антисоциальную функцию великий скульптор.

Перед нами еще одна грань многогранного кристалла, выращенного Зиновьевым, – комедия масок, маскарад жонглеров, канатоходцев, скоморохов, шутов. Маски флиртуют, фехтуют, социальные маски теснят антисоциальные, ибо «социальный прогресс, – как говорит Зиновьев, – процесс антисоциальный». А в Ибанске прогресса нет [6. С. 8].

Текст Зиновьева, подчеркивает К. Кантор, не замкнут сам в себе. Напротив, он открыт для диалога. Он стимулирует мысль.

Весь громадный том «Зияющих высот» разделен на сотни коротких глав – по одной, две, три страницы. Это кванты творческой энергии автора, заражающие читателя стремлением к сотворчеству, пониманию, «срыванию всех и всяческих масок» [6. С. 8].

К. Кантор был, безусловно, апологетом «Зияющих высот», он восхищался и боготворил своего друга, при этом он оставался профессиональным мыслителем и все свои суждения строил на базе тщательной интеллектуальной рефлексии. Наблюдения К. Кантора высказаны тезисно (что обусловлено жанром и объемом высказывания – вступительная статья в журнале, предисловие к книге), однако они указывают на существенные особенности поэтики и проблематики как романа «Зияющие высоты», так и всего литературного творчества Зиновьева в целом. Основанные на пристальном анализе текста, они сохраняют свою ценность и могли бы стать основой для более тщательных и детальных исследований. Статьи К. Кантора отличаются оригинальностью и глубиной, служат методологическим образцом для научного разговора о литературном феномене Зиновьева.

Единственный раз за десять лет обратила внимание на произведения Зиновьева «Литературная газета», откликнувшись в 1991 г. небольшой заметкой П. Басинского на выход книги «Гомо советикус. Пара беллум» (М.: Московский рабочий, 1991). Очевидно, что проза Зиновьева произвела на автора сильное впечатление. Свою рецензию он начинает словами:

Книга написана талантливо, зло и беспощадно. Она рассчитана на читателя, обладающего вкусом к политике и социологии в их чистом виде. Беллетристический элемент безусловно является для автора чем-то второстепенным – способом, но не целью. И все же это художественное повествование, имеющее героев, сюжет, развязку и т.д. [7. С. 10].

Начинавший тогда свою литературную деятельность молодой критик, пожалуй, точнее всего сформулировал причину, по которой Зиновьев окажется чужим в перестроечной России: «Читать это интересно, но... неприятно» [7. С. 10].

Впрочем, П. Басинский признает: «Однако знать правду, которую она (книга. – П.Ф.) в себе несет, необходимо. Хотя бы для того, чтобы с нею не согласиться» [7. С. 10]. И в итоге, естественно, не соглашается. Простодушие критика обескураживает.

Прав или нет Александр Зиновьев в своих расчетах и прогнозах, не мне судить. Возможно, что и прав. Только я этой его правды не хочу, поскольку в ней нет решительно никакого смысла. В ситуации господства онтологического зла, которую предлагает Зиновьев, выдавая ее за научную, «последнюю» модель, всякий выход является злом и всякие надежды на обустройство мира тщетны. Зачем же в таком случае правда Зиновьева? [7. С. 10].

П. Басинский не принимает бескомпромиссности зиновьевской эстетики, построенной на логике социального анализа.

В желчной, сухой и рациональной прозе Зиновьева, не претендующей на высоты художественного стиля, как ни странно, господствует своеобразный «эстетизм». Безукоризненно точный анализ двух мировых систем – Запада и коммунизма, – если не ошибаюсь, доставляет писателю чисто эстетическое наслаждение и не связан ни с какими моральными обязательствами.

Это можно сравнить с профессиональной гордостью опытного хирурга, выполняющего сложную, но, в общем, привычную для него операцию на глазах у ошеломленных зрителей. Сияют простыни, сверкает нож, течет кровь, пульсируют органы... [7. С. 10].

Точности профессионального знания, бесстрашия, с которым писатель изображает действительность, по мнению П. Басинского, недостаточно. Оставаясь в рамках традиционных представлений о роли и назначении литературы, П. Басинский требует от автора, в конкретном случае – Зиновьева, гуманизма по отношению к читателю. Писатель должен давать читателю надежду. Пессимизм и безысходность не принимаются, даже если они обоснованы.

Позиция критика симптоматична. Она отражает растерянность «прорабов перестройки» перед развернувшейся бездной надвигающегося социально-политического краха и попытку спрятаться от правды, закрыв глаза и отвернувшись в сторону. Либералы прикрывались рыночной системой, патриоты – Богом. Свой спор с Зиновьевым П. Басинский заключает пассажем, который кажется ему неопровержимым.

Она (правда Зиновьева. – П.Ф.) – логическое завершение той правды наших «шестидесятников», которая пришла на смену соцреалистической лжи. В своей ненависти к любым формам социального иллюзиона и благородном стремлении непременно сказать «всю правду» они проскочили мимо очевидной вещи, которую мы только сегодня мучительно осознаем.

Правда еще не есть истина. Не есть Бог [7. С. 10].

С последним утверждением не поспоришь. Только Бог не отменяет правды, не делает ее бессмысленной и бесполезной, как хотелось бы не только П. Басинскому, но и большинству *его* читателей.

Для Зиновьева это не было новостью. Как-то, еще в январе 1987 г., он написал М. Зальцбергу: «Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна. Они признают ее постфактум, когда она теряет смысл, причем – признают, чтобы помешать новой актуальной правде» (цитируется по рукописи оригинала. Из личного архива О.М. Зиновьевой).

Если бы статья А. Гимельштейна «Из тупика радикализма» была бы напечатана не в 1994 г. на страницах иркутской «Восточно-Сибирской правды», то можно было бы предположить, что ее автор непосредственно полемизирует с П. Басинским. Но скорее всего, переключка оценок и образов носит случайный характер. Тем интереснее, что то, что вызывает неприязнь в столице, оказывается близким глубинному российскому читателю.

Нельзя сказать, что Зиновьев – добрый человек. И книги у него недобрые. Ну и что с того?! Как показала жизнь, талант очень часто не бывает гуманным. Да и хирург ведь тоже руководствуется чем-то большим, когда причиняет боль. Целью Зиновьева, наверное, было и есть сказать современникам и потомкам: ну научитесь чему-нибудь, поймите себя, поймите отцов, научитесь не падать два раза в одну и ту же яму, думайте... [8. С. 7].

Статья написана в форме своеобразного диалога с романом «Зияющие высоты», который критик оценивает как пророческий: «<...> с 1976 г. (со времени публикации «Зияющих высот») прошло без малого два десятилетия, и стало ясно, что это нечто большее, чем беспощадная критика того, ушедшего режима» [8. С. 7]. Всего в статье приводится десять пространных цитат, выделенных жирным шрифтом, которыми автор как бы подсвечивает события текущего дня. Парадокс же этой статьи заключается в том, что сквозь призму зиновьевского романа автор размышляет над политической судьбой вернувшегося в Россию А.И. Солженицына, предрекая «конструктивную критику», которая последует в его адрес со стороны «пропагандистской машины» и которой будет прикрываться действительная травля писателя. Учитывая взаимное негативное отношение Зиновьева и Солженицына, о котором А. Гимельштейн, похоже, не догадывается, его статья представляет собой своеобразный курьез, что, конечно, не лишает ее содержательности. Увы, эту публикацию зачислить в список критических работ о Зиновьеве не получится, хотя ее автор, несомненно, внимательный и вдумчивый читатель «Зияющих высот».

Примечательно, что имена Солженицына и Зиновьева в это время часто появляются вместе в публицистических статьях. Следует особо выделить статью В. Васильева «Между Солженицыным и Кастанедой» в газете «Россия», в которой «“Одиссея” духа российской интеллигенции» рассматривается на материале «Архипелага ГУЛАГ» и «Гомо советикус».

Автор отмечает точность Зиновьева в описании феномена советского человека, выделяя в особенности всесторонность анализа его поведенческой психологии.

Проследивая поведение советских людей в различных условиях, в том числе и в эмиграции, ученый усматривает в нем изначальную двойственность и противоречивость, словно заданная ситуация или сумма идей побуждает «гомо советикуса» действовать и мыслить «оппозиционно», в противовес им и в их отрицание. И это поведение во многих случаях оказывается совершенно оправданным,

поскольку полярные экстремы внешней реальности воплощают фальшь и условность бытия. <...>

Зиновьев совершенно верно, на мой взгляд, вскрыл раздвоенность, расколотость сознания людей коммунистической формации [9. С. 5].

В этом же 1994 г. небольшую, но исключительно глубокую статью о «Зияющих высотах» и Зиновьеве вообще опубликует в московской газете «Коммерсантъ» Н. Климонтович, а информационным поводом послужит выход в свет книги Зиновьева «Коммунизм как реальность» (М.: Центрполиграф, 1994).

Чем-чем, а легким чтением эти книги не назовешь. «Высоты» – не роман и вообще не беллетристика; скажем, эссе размером с два первых тома «Войны и мира». Впрочем, в этом произведении есть круг постоянных действующих лиц, точнее – лиц бездействующих, но выпивающих и беседующих. Однако это и не античный жанр диалогов, хотя, быть может, именно такая ассоциация ближе всего к сути дела, и платоновский «Пир», конечно же, нельзя не числить среди источников зиновьевского вдохновения. Воспроизводя умозаключения своих героев, Зиновьев строит образ замкнутого коммунистического мира, где интеллектуалам отведена роль маргиналов и люмпенов. Не будет натяжкой сказать, что этот процесс люмпенизации «мыслящего тростника» в социалистическом раю и есть главная тема Зиновьева-беллетриста, написавшего после «Высот» целую серию книг, в большей степени похожих на традиционные повествования: «Светлое будущее», «Желтый дом», «Евангелие от Ивана» [10. С. 7].

Как когда-то первые критики Зиновьева Пётр Вайль и Александр Генис [11], Н. Климонтович, возможно, читавший в свое время статью своих нью-йоркских коллег, определяет жанр созданного Зиновьевым произведения термином «мениппея».

Зиновьев создал принципиально новый литературный жанр, как Монтень некогда придумал эссеистику. Определить его весьма затруднительно, и ближе всего здесь подходит слово мениппея, как Бахтин определил романы Достоевского. Это полифоническое повествование, внутри которого не только разворачивается действие, но и «называется» мир, именно называется, а не описывается. Все вещи и предметы у Зиновьева заново получают имена и дефиниции. И авторские определения рядом с общепринятыми звучат либо как парадоксы, либо как нарочитые трюизмы [10. С. 7].

Н. Климонтович пронизательно высказывает мысль о типологической схожести (при всей разности форм) – произведений Зиновьева и Василия Розанова, имевшего отчаянную дерзость говорить со своими современниками без оглядки на литературные и идеологические условности, всматриваясь в суть и обнажая подлинные смыслы.

Мыслителя, использующего столь многообразный литературный инструментарий, российская словесность до Зиновьева, кажется, не знала. На Западе были Ницше, Кьеркегор, Сартр, Барт и Леви-Стросс; у нас, пожалуй – один лишь Розанов. И именно розановские поздние книги – единственное, что приходит в голову, коли задаться целью искать в русской литературе предшественников Зиновьева.

С Розановым Зиновьева сближает и еще одно. Безукоризненная логика и интеллектуальная честность не могут не конфликтовать с расхожими либеральными мифами, и оба писателя-философа испытали на себе давление «интеллигентской цензуры». Позиция интеллектуала-одиночки, открыто заявляющего свою точку зрения перед лицом либерального общественного мнения, всегда по-своему притягательна, но зачастую очень неудобна: будь то Вольтер или Галковский. Думается, в сегодняшней России, как, впрочем, и на сегодняшнем Западе, Зиновьев должен испытывать одиночество. Философ такого ранга никогда не может вписаться в картину, построенную на лобовых оппозициях: правое – левое, политкорректное – маркобесное [10. С. 7].

Публикация такой статьи Н. Климонтовича на страницах достаточно буржуазно-либерального «Коммерсанта» выглядит неожиданно. Объяснить это можно заключительным полемическим тезисом, адресованном, впрочем, не Зиновьеву, а его «единомышленникам» из патриотической оппозиции.

Зиновьев в своих интервью заявляет: я никогда не был либералом, диссиденты для меня служили лишь объектом изучения и описания. <...> Но было бы ошибкой со стороны «духовной оппозиции» записывать писателя в свои ряды: логика «не либерал – значит, “наш”» в случае Зиновьева не работает. В ответ на вопрос о духовном будущем России Зиновьев говорит: ни за какой идеей он не видит будущего, ни за «социалистическим выбором», ни за «православием и народностью». То есть буквально – ни за какой [10. С. 7].

Зиновьев прочитал эту заметку с большим удовлетворением. В вырезке, хранящейся в архиве О.М. Зиновьевой, предложение «Мыслителя, использующего столь многообразный литературный инструментарий, российская словесность до Зиновьева, кажется, не знала» – обведено Зиновьевым в рамку.

Статья Н. Климонтовича называется несколько странно, на первый взгляд: «Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один». Но если вспомнить, что она написана в дни возвращения из эмиграции Солженицына, становится понятен подтекст. Именно Солженицына называла пророком российская пресса в эйфории от его многодневного турне по России. Не впадая в «партийность», Н. Климонтович деликатно утверждает, что на Солженицыне свет клином не сошелся, и у России есть еще и другие выдающиеся

мыслители, не менее масштабные и значительные, достойные звания пророков. Как минимум еще один – Александр Зиновьев.

К слову, о «духовной оппозиции». Несмотря на то, что и Александр Проханов, возглавлявший газету «Завтра», и Владимир Бондаренко – редактор «Дня» были дружны с Зиновьевым и не раз брали у него интервью, а Бондаренко даже оказался под следствием по признакам преступлений, предусматривающих ответственность за призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 70 УК РФ) и пропаганду войны (ст. 71 УК РФ) за публикацию одной из бесед с Зиновьевым, в которой тот достаточно резко высказался о российской власти, ни сами они, ни авторы издаваемых ими газет, не написали ни одной строки о его романах. Даже в дни юбилеев Зиновьева, которые в течение 1990-х отмечались дважды – в 1992 и 1997.

Лишь совсем уж маргинальная «газета борьбы общественных идей – для тех, кто любит думать» «Дуэль» поместила на своих страницах рецензию на новый роман Зиновьева «Русский эксперимент». Ее автор, главный редактор газеты, радикальный критик власти и духовный экстремист Ю. Мухин, в первых строках вроде бы признает близость ему идей Зиновьева: «когда я прочитал “Запад” А. Зиновьева, то обрадовался – хоть и не так, но Зиновьев обрабатывает мой участок» [12. С. 8]. Однако «Русский эксперимент» пришелся Ю. Мухину не по душе, и его довольно пространный, на полполосы статья представляет собой скорее глумливое издевательство, нежели серьезную полемику с оппонентом. Ю. Мухин упрекает Зиновьева в высокомерии авторской позиции, считает ее идейно невнятной, сложной для восприятия и понимания и даже малодушной.

Один из главных упреков Ю. Мухина – недостаточный демократизм Зиновьева, его якобы оторванность от простых людей.

Зиновьев вроде пишет популярную книгу о коммунизме и даже придает ей форму романа. Но в качестве собеседника выбирает себе не врача или инженера, а доктора философии. Вот и представьте каким идиотом вы себя почувствуете, когда по ходу чтения станете слушателем дебатов «носителя интеллектуальных и творческих потенций народа» и доктора философии. Ведь эти люди используют любую возможность, чтобы ничего вам не сказать по-русски. Они не скажут вам, к примеру, что этому понятию не требуется строгое толкование, они скажут только по-латыни: «строгая дефиниция тут не

требуется». (Кстати, нарочно не придумаешь. Когда я переписывал цитату, то ошибся и написал «дефинация». Машинистка, перепечатавшая всю статью и ни сделавшая ни единой ошибки, расшифровала с помощью компьютера «дефинацию» как «дефекацию». (Дефекация – естественная потребность, при которой мы очищаем желудок) [12. С. 8].

Ю. Мухин выдергивает из текста различные слова и тезисы и ехидно высмеивает те смыслы, которые вкладывает в них сам. Свой поток словесной желчи он завершает обращением к Зиновьеву: «Напишите другую книгу и не для себя, а читателей. Напишите ее прокоммунистически, и тогда коммунисты не будут шараться от вас, как от попа Гапона» [12. С. 8].

1990-е гг. были, пожалуй, последним периодом в истории отечественной литературной критики, когда в ней активно и плодотворно работали десятки талантливых, самобытных, глубоких литераторов. Имена Л. Анненского, И. Золотусского, А. Туркова, Ст. Рассадина, И. Роднянской, С. Чупринина, В. Курбатова, В. Кардина, Ю. Буртина, И. Дедкова, К. Степаняна, А. Марченко (список можно продолжить) составляют «золотой фонд» русской критики. Они не были ограничены никакими цензурными предписаниями, могли свободно высказывать свое мнение, мыслить, спорить, утверждать. У них был большой выбор изданий, где бы они могли публиковать свои статьи: по-прежнему ежемесячно выходили в свет все созданные в советское время литературные журналы и газеты, появились десятки новых, независимых изданий, общеполитические газеты, как центральные, так и региональные, также еще следили за литературным процессом. И вот в этих условиях наибольшего благоприятствования, в условиях уже даже и не «гласности», а подлинной свободы слова русская критика проявила в отношении страстного, огненного, горестного, всецело обращенного к своим современникам-соотечественникам Зиновьева «скорбное бесчувствие».

Проглядели? Не заметили? Или – сознательно бойкотировали? Как бы то ни было, но факт остается фактом: за *десять лет* о романах Зиновьева было *написано пять с половиной* статей, из которых две – наиболее обстоятельных – не профессиональным критиком, а философом. «Неформатность» Зиновьева сделала его чужим в стане литераторов. Он, как и в прежние годы, в 1990-е оказался вне «литературы» – наедине со своими читателями.

Список источников

1. Александр Исаевич Солженицын: материалы к библиографии / сост. Д.Б. Азиатцев и др. ; отв. ред. Н.Г. Захаренко. СПб. : Российская национальная библиотека, 2007. 800 с.
2. Николаев А. Пакостник из Нью-Йорка // Литературная газета. 1981. № 27. С. 14.
3. Шведов С. Многоликий читатель // Московские новости. 1989 № 15. С. 11.
4. На анкету «ИЛ» отвечают писатели русского зарубежья. А. Синявский, Г. Владимов, В. Войнович, Н. Коржавин, А. Зиновьев // Иностранная литература. 1989. № 2. С. 242–250.
5. Кантор К. Сияющая высота словесности // Октябрь. 1991. № 1. С. 30–35.
6. Кантор К. «Мистерия-буфф» Александра Зиновьева // Книжное обозрение. 1999. № 44. С. 8.
7. Басинский П. Зиновьев А.А. Гомо советикус. Пара беллум. М. : Московский рабочий, 1991 // Литературная газета. 1991. № 29. С. 10.
8. Гимельштейн А. Из тупика радикализма // Восточно-сибирская правда. № 146. С. 7.
9. Васильев В. Между Солженицыным и Кастанедой. «Одиссея» духа российской интеллигенции // Россия. 1994. № 31. С. 5.
10. Климонтович Н. Может быть пророк и в своем отечестве, даже не один // Коммерсантъ. 1994. № 102. С. 7.

11. Вайль П., Генис А. Вселенная без мозжечка. Зиновьев и меннипея // *Время и мы*. Тель-Авив, 1979. № 39. С. 147–158.
12. Мухин Ю. «Русский эксперимент» А. Зиновьева // *Дуэль*. 1996. № 20. С. 8.

References

1. Zakharenko, N.G. (ed.) (2007) *Aleksandr Isaevich Solzhenitsyn: materialy k biobibliografii* [Alexander Isaevich Solzhenitsyn: materials for biobibliography]. Saint Petersburg: Russian National Library.
2. Nikolaev, A. (1981) Pakostnik iz N'yu-Yorka [A vile man from New York]. *Literaturnaya gazeta*. 27. p. 14.
3. Shvedov, S. (1989) Mnogolikiy chitatel' [Many-faced reader]. *Moskovskie novosti*. 15. p. 11.
4. *Inostrannaya literatura*. (1989) Na anketu "IL" otvechayut pisateli russkogo zarubezh'ya. A. Sinyavskiy, G. Vladimov, V. Voynovich, N. Korzhavin, A. Zinov'ev [Writers from Russia abroad respond to the "IL" questionnaire. A. Sinyavsky, G. Vladimov, V. Voinovich, N. Korzhavin, A. Zinoviev]. 2. pp. 242–250.
5. Kantor, K. (1991) Siyayushchaya vysota slovesnosti [The shining height of literature]. *Oktyabr'*. 1. pp. 30–35.
6. Kantor, K. (1999) "Misteriya-buff" Aleksandra Zinov'eva ["Mystery-bouffe" by Alexander Zinoviev]. *Knizhnoe obozrenie*. 44. p. 8.
7. Basinskiy, P. (1991) Zinov'ev A.A. Gomo soveticus. Para bellum. Moskva: Moskovskiy rabochiy, 1991 [Zinoviev A.A. Homo soviticus. Para bellum. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1991]. *Literaturnaya gazeta*. 29. p. 10.
8. Gimel'shteyn, A. (n.d.) Iz tupika radikalizma [From the dead end of radicalism]. *Vostochno-sibirskaya pravda*. 146. p. 7.
9. Vasil'ev, V. (1994) Mezhdru Solzhenitsynym i Kastanedoy. "Odisseya" dukha rossiyskoy intelligentsii [Between Solzhenitsyn and Castaneda. "Odyssey" of the spirit of the Russian intelligentsia]. *Rossiya*. 31. p. 5.
10. Klimontovich, N. (1994) Mozhet byt' prorok i v svoem otechestve, dazhe ne odin [There may be a prophet in one's own country, even more than one]. *Kommersant*". 102. p. 7.
11. Vayl', P. & Genis, A. (1979) Vseleynaya bez mozzhechka. Zinov'ev i mennipeya [Universe without a cerebellum. Zinoviev and mennipea]. *Vremya i my*. 39. pp. 147–158.
12. Mukhin, Yu. (1996) "Russkiy eksperiment" A. Zinov'eva ["Russian experiment" by A. Zinoviev]. *Duel'*. 20. p. 8.

Информация об авторе:

Фокин П.Е. – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (Москва, Россия); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pfokin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.E. Fokin, Cand. Sci. (Philology), deputy head for research, Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Moscow, Russian Federation); Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pfokin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2023;
одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 29.09.2023.*

*The article was submitted 15.08.2023;
approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 29.09.2023.*